

Восстановление социальной справедливости как цель наказания и право осужденных на судебную защиту: баланс или диссонанс?

Ю.А. Дронова, Л.В. Туманова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Статья посвящена вопросам соотношения целей наказания и судебной защиты лиц, находящихся в местах лишения свободы. Обращено внимание на динамику целей наказания и совершенствование правового регулирования вопросов судебной защиты лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы в части условий отбывания наказания в исправительных учреждениях. Кратко охарактеризованы исторический и сравнительный аспекты целеполагания и условий отбывания наказания. Основная проблема исследования связана с необходимостью осмысления восстановления социальной справедливости как цели наказания. Исследований уголовно-правовой природы социальной справедливости недостаточно для понимания этой важнейшей категории как цели уголовного наказания. Право на судебную защиту принадлежит каждому и для обеспечения его лицам, находящимся в местах лишения свободы, Кодекс административного судопроизводства РФ был дополнен специальной нормой, которая определила порядок обращения в суд для оспаривания неправомерных действий и взыскания компенсации. Многочисленная практика показывает, что лица, отбывающие наказание, в т. ч. пожизненное лишение свободы, постоянно находят поводы для обращения в суд. Значительная часть таких дел проходит все судебные инстанции до Верховного Суда РФ, а нередко жалобы на нормы Кодекса административного судопроизводства РФ направляются и в Конституционный Суд РФ. Возможность обратиться за судебной защитой является важнейшим достижением цивилизации, недопустим возврат к прежним временам, но должны быть и разумные пределы, которые ограничивают возможность злоупотребления правом на судебную защиту.

Ключевые слова: уголовное наказание, система наказаний, цели наказания, восстановление социальной справедливости, право на судебную защиту, условия содержания в местах лишения свободы, право на компенсацию, административное судопроизводство.

С момента возникновения человечества в отношениях между людьми неизбежно возникали конфликты и всегда находились те, которые нарушали правила, установленные в обществе, а после возникновения государства и права эти нарушения становились все более опасными. Как ни парадоксально, но развитие цивилизации сопровождается и совершенствованием форм и методов совершения

правонарушений и преступлений, что требует от любого государства создания соответствующего правового механизма. Экскурс в историю развития системы наказаний в России заслуживает специального исследования, но некоторое сравнение прошлого и настоящего в рамках данной статьи необходимо.

Практически до нового времени основной целью наказания было устрашение, поэтому меры наказания отличались особой жестокостью, а казни проводили, как правило, публично. Современному человеку страшно даже представить, что испытывал человек, приговоренный к колесованию и мучительно умирающий несколько дней на глазах людей. Но история доказала, что жестокость наказания не снижает уровень преступности, а следовательно, надо менять систему и цели наказаний.

Проблематика целей наказания имеет непреходящую актуальность с древнейших времен и по сей день. Это подтверждается интересом к ней в юридической литературе: «Проблема целей уголовного наказания относится к числу традиционно актуальных в отечественной уголовно-правовой теории» [4]. Однако акценты и приоритеты в этом вопросе, безусловно, смещаются и ранжируются согласно динамике общественного развития и специфике государственного строя.

В максимально упрощенном виде историю развития целей наказания можно представить в виде двух достаточно далеко отстоящих друг от друга позиций: от принципа талиона и кровной мести до так называемой этико-утилитарной концепции, суть которой сводится к тому, что преступление не должно быть совершено вновь. То есть смыслом наказания становится не возмездие преступнику, а его исправление, по меньшей мере юридическое, а в идеале нравственно-юридическое. При этом, с учетом тренда на либерализацию уголовного законодательства, как система наказаний, так и сроки, и условия их отбывания в современных демократических государствах становятся все более гуманистичными, порой до абсурдных пределов. Одним из характерных примеров данного тренда выступает осуждение в 2012 г. норвежского террориста Андерса Беринга Брейвика, жертвами преступлений которого стали 77 человек, а еще 151 получили ранения, к 21 году лишения свободы. При этом Брейвик получил максимально возможный по уголовному законодательству Норвегии срок. Об условиях отбывания им наказания писала вся мировая пресса: «ему выделили три комнаты (спальню, спортзал и кабинет) по восемь квадратных метров каждая и внутренний дворик для прогулок» [14].

Отечественный законодатель при разработке в середине 90-х г. XX в. проекта Уголовного кодекса РФ (далее – УК РФ), принятого в 1996 г. [1], естественным образом руководствовался опытом зарубежных государств, впрочем как и наработками русской уголовно-правовой доктрины. В соответствии с правоположениями ст. 43 УК РФ наказание применяется в целях восстановления социальной справедливости, исправления

осужденных и предупреждения совершения новых преступлений. Отметим, что из целеполагания ушла формулировка «исправление и перевоспитание осужденных», которая использовалась в УК РСФСР 1960 г. В целом это своеобразное секвестирование ранее декларируемой государством цели наказания характеризовалось специалистами как правильное и продуманное в связи с заведомой невозможностью перевоспитания в процессе отбывания наказания с учетом логики процесса социализации личности.

Научное сообщество весьма критическим образом восприняло новую формулировку целей наказания в УК РФ 1996 г. Лейтмотив критики – нецелесообразность излишнего целеполагания (даже с учетом правовой природы уголовных наказаний как максимально строгих мер государственного принуждения), равно как и заведомая недостижимость указанной в законе совокупности целей. Как пишет Ю.И. Бытко: «Поток критики по поводу отдельной цели, а иногда и их всех нарастал и к 2008 г. сформировалось представительное мнение о кризисе уголовного наказания как социального института» [4].

Не вдаваясь в глубокий анализ существующих в уголовно-правовой науке позиций по поводу критики целей наказания, декларируемых в действующем УК РФ, отметим лишь, что цель любой деятельности есть лишь предвосхищаемый результат, а результат реальный может с этой целью и не совпасть. Никакой специфики в этом смысле нет и в деятельности государства, связанной с назначением и исполнением наказаний. Пожалуй, за одним исключением. Если мы говорим о наказании в виде смертной казни, то при ее применении цели восстановления социальной справедливости и предупреждения совершения новых преступлений достигаются в абсолютной степени. Что касается цели исправления осужденного, то здесь вопрос философский. Однако смертная казнь – это лишь один из 13 видов наказаний в действующем УК РФ, кроме того, не находящийся уже более 25 лет в сфере практического применения. Какой же вид наказания был и остается лидирующим в плане частоты применения, вопрос, как говорится, риторический.

Согласно данным Судебного департамента при Верховном суде РФ к реальному лишению свободы на определенный срок в 2020 г. было осуждено 28,5 % от общего количества осужденных к различным видам наказаний, в 2021 – 28,6 %, в 2022 – 29,5 %, в 2023 – 29,8 %, в 2024 – 29,6 % [13]. Отметим, что сравнимый удельный вес имеет условное осуждение к лишению свободы, которое при этом отнюдь нередко отменяется и лицо отбывает назначенное наказание реально. Таким образом, лишение свободы было и остается абсолютно лидирующим видом в системе наказаний по частоте применения судами.

Если актуализировать вопрос о целях наказания относительно этого, увы, но по-прежнему самого часто назначаемого вида наказания, то

применительно к исправлению осужденных и предупреждению совершения новых преступлений своеобразным мерилем их достижения является уровень рецидива среди лиц, отбывших лишение свободы. Так, в 2022 г. на встрече с Президентом РФ министр юстиции К. Чуйченко отметил, что «ежегодно из мест лишения свободы освобождается порядка 100 тысяч человек. При этом зачастую эти люди не подготовлены к жизни, как говорится, на свободе, т. е. они не могут получить работу, не имеют денежных средств, которые необходимы для того, чтобы начать новую жизнь, и, конечно же, они нуждаются в помощи. В этой связи очень высок рецидив, на сегодняшний день он составляет порядка 44 %, т. е. из 100 000 человек примерно 44 000 человек опять пойдут в места лишения свободы» [5].

Специалисты отмечают, что благодаря внедрению системы пробации в последние два года уровень рецидива среди лиц, отбывших лишение свободы, снижается. И тем не менее он остается весьма значительным. Однако, как уже отмечалось, цель не всегда совпадает с результатом, и не следует в этом смысле идеализировать институт уголовного наказания, равно как и возможности российской пенитенциарной системы. Но вернемся к первой цели наказания, указанной в ст. 43 УК РФ, – восстановление социальной справедливости. Каким образом она достигается при назначении и исполнении таких видов наказаний, как лишение свободы на определенный срок и пожизненное лишение свободы?

Относительно этапа назначения наказания, очевидно, вопрос сводится прежде всего к адекватности срока лишения свободы тяжести совершенного преступления, в том числе, и с учетом восприятия потерпевшим. Хотя и Конституционный Суд РФ, и Верховный Суд РФ не раз обращали внимание на недопустимость указания на учет мнения потерпевшего при назначении наказания¹, невозможно отрицать, что при

¹ См., например: п. 3.1 Постановления Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 г. № 5-П: «В соответствии с правовой позицией Конституционного Суда Российской Федерации, выраженной в ряде его решений, обязанность государства обеспечивать права потерпевших от преступлений не предполагает наделение их правом определять необходимость осуществления публичного уголовного преследования в отношении того или иного лица, а также пределы возлагаемой на это лицо уголовной ответственности и наказания – такое право в силу публичного характера уголовно-правовых отношений принадлежит только государству в лице его законодательных и правоприменительных органов; юридическая ответственность, если она выходит за рамки восстановления нарушенных неправомерным деянием прав и законных интересов потерпевших, включая возмещение причиненного этим деянием вреда, является средством публично-правового реагирования на правонарушающее поведение, в связи с чем вид и мера ответственности лица, совершившего правонарушение, должны определяться исходя из публично-правовых интересов, а не частных интересов потерпевшего» [17]; п. 36 Обзора судебной практики Верховного

наличии лица, признанного потерпевшим по уголовному делу, его восприятие справедливости назначенного наказания является важным ее измерителем. Далее начинается двуединый процесс исполнения и отбывания наказания в учреждениях уголовно-исполнительной системы.

Продолжается ли реализация цели восстановления социальной справедливости на данном этапе? Представляется, что, безусловно, да. В обоснование данной позиции целесообразно солидаризироваться с позицией авторов, которые в определенном смысле отождествляют цель восстановления социальной справедливости с элементами кары в уголовном наказании. Сам по себе термин «кара» стал весьма непопулярным в условиях гуманизации уголовного законодательства и в нем никак не фигурирует, но мало кто из исследователей проблематики целей и функций наказания не упоминает о том, что кара и есть его сущность. Так, Ю.И. Бытко, анализируя данный вопрос, в частности отмечает: «Третьи (*авторы*) отождествляют эту цель с карой. В частности, В.К. Дуюнов пишет, что, вводя в закон цель восстановления социальной справедливости, законодатель камуфлирует более понятную цель кары преступника. Поскольку термин "кара" себя скомпрометировал родством с местью и талионом, было принято решение его облагородить высоким сравнением со справедливостью, т.е., по его мнению, происходит простая замена терминов – неудобного термина "кара" его оборотом – "восстановление социальной справедливости"» [4]. Таким образом, в процессе отбывания наказания цель восстановления социальной справедливости актуализируется особым образом и достигается посредством совокупности тех лишений и ограничений прав осужденного, которыми сопровождается этот процесс.

В связи с этим, безусловно, значимым является вопрос об условиях содержания осужденных в местах лишения свободы. В последние годы этот вопрос оказывает существенное влияние на деятельность российской судебной системы в связи с рассмотрением судами в порядке административного судопроизводства значительного количества жалоб осужденных на действия (бездействие) администраций учреждений Федеральной службы исполнения наказаний (далее – ФСИН), исполняющих наказание в виде лишения свободы. Своего рода квинтэссенцией и одновременно апогеем в этом потоке жалоб может выступать тяжба с ФСИН России по вопросу о переводе в более «теплую» колонию осужденного к пожизненному лишению свободы Александра Пичушкина, так называемого «битцевского маньяка», лишившего жизни более сорока человек: «Пичушкин участвовал в рассмотрении своего иска по видеосвязи из колонии. Как выяснилось в ходе слушания, он просил взыскать со ФСИН 100 тысяч рублей в качестве компенсации за

Суда Российской Федерации. 2023. № 3: «Мнение потерпевшего о назначении строгого наказания не может учитываться судом при вынесении приговора» [22].

понесенные “глубокие морально-нравственные страдания”, указав, что “страдает от заболевания системы кровообращения второй степени” из-за сложных климатических условий – колония расположена в поселке Харп Ямало-Ненецкого автономного округа» [3]. Еще один осужденный к пожизненному лишению свободы террорист Ислам Яндиев также уже несколько лет судится с ФСИН из-за условий содержания: «Его претензии касаются СИЗО, где он содержался во время судебного процесса, этапирования и самой колонии. В одном из исков Яндиев требует компенсировать ему моральный ущерб за применение наручников при передвижении вне камеры – при выводе на прогулку, в баню, к врачам, краткосрочное свидание, а также за нехватку личного пространства в камере, отказ в соседстве – переводе к нему в камеру кого-либо из арестованных» [12]. И таких дел российские суды рассматривают десятки тысяч.

Каковы же корреляции между достижением цели социальной справедливости в процессе исполнения и отбывания наказания в виде лишения свободы, с одной стороны, и правом осужденных на подачу соответствующих жалоб в порядке административного судопроизводства, с другой?

Гуманизм является одним из важнейших принципов цивилизованного общества и проявляется, в числе прочего, в гуманизации уголовного законодательства. Вместо этого необходимость смягчения уголовных наказаний прогрессивные юристы и общественные деятели отстаивали еще в XIX в., что во многом определило содержание Великой реформы законодательства и правосудия, но гуманизация уголовного законодательства далеко не всегда встречала поддержку власти. Так, Владимир Данилович Спасович, который был признан «королем русской адвокатуры», еще в 1863 г. опубликовал свой учебник по уголовному праву, в котором анализировал «Уложение о наказаниях уголовных и исполнительных» и обоснованно критиковал чрезмерную суровость уголовного закона и системы наказаний. Но власть сочла учебник опасным, даже враждебным и он был изъят, а его автор лишен права преподавать [9, с. 102–103]. К сожалению, и в первой половине XX в. в России гуманизация уголовного законодательства и особенно его исполнения не поддерживались властью.

На современном этапе общечеловеческие ценности становятся важнейшим объектом охраны и защиты. Вопрос о гуманизации уголовного законодательства был предметом обсуждения на X Всероссийском съезде судей, где еще раз прозвучало, что «наказание и иные меры уголовно-правового характера, применяемые к лицу, совершившему преступление, не могут иметь своей целью причинение физических страданий или унижение человеческого достоинства» [6, с. 7]. Согласно уголовного закона, как уже отмечалось, первоочередной (в соответствии с текстом ч. 2 ст. 43 УК РФ) целью является восстановление

социальной справедливости. Концепция развития уголовно-исполнительной системы РФ, принятая еще в 2021 г., в соответствии с этим обозначила необходимость в целях гуманизации обеспечить «учет особенностей содержания отдельных категорий осужденных, подозреваемых и обвиняемых, в том числе женщин, медицинское обеспечение лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы» [15, с. 112].

За последние годы система исполнения наказаний и условия содержания лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, изменились кардинально. Трехразовое питание, причем с точным соблюдением рациона, прогулки, возможность работать (но это не является обязанностью осужденных), организация досуга, продолжение образования и еще многое другое, что невозможно изложить в пределах одной статьи.

Но на один важный вопрос следует обратить особое внимание: это обеспечение родительских прав осужденных к лишению свободы. Проблема эта неоднозначная, но если родитель не лишен родительских прав и его поведение не может оказать вредного воздействия на детей, то нет необходимости лишать детей хотя бы ограниченного общения с родителями. Предложенные К.В. Лапиной формы общения родителей, отбывающих наказание в виде лишения свободы, со своими детьми, во многом реализованы (например, краткосрочные и длительные свидания, переписка), а организация доставки детей, хотя бы за счет самих женщин, и краткосрочные выезды [11, с. 9–10] вызывают некоторые сомнения.

Представляется, что условия содержания женщин в России намного гуманнее, чем, допустим, в США. В исследованиях по этому вопросу В.А. Шетневой отмечено, что в США осужденным женщинам запрещены все возможные тактильные контакты друг с другом, поскольку они могут быть оценены как действия сексуального характера, кроме того «запрещается иметь при себе соль, зеркала, кофе, сигареты, смотреть телевизор и слушать музыку» [16, с. 219].

В рамках статьи нет возможности анализировать и оценивать уголовно-исполнительное законодательство других стран. Можно только отметить, что есть и более строгие условия отбывания наказания, а есть почти комфортные (как у Брейвика из Норвегии), на которые нередко ссылаются ряд авторов, призывая следовать этим стандартам без учета тех реальных условий, в которых живут еще многие люди, абсолютно законопослушные, но у них до сих пор нет элементарного бытового комфорта, есть еще сельские школы, где печное отопление, нет горячей воды и прочих удобств. Соответственно, есть и менее «комфортабельные» учреждения уголовно-исполнительной системы, где, как и везде, у нас могут быть перебои с горячей водой, отоплением, не быстро бывает оказана медицинская помощь, но она, к сожалению, никому не оказывается моментально даже при вызове «скорой помощи»,

а уж про очереди на прием к врачу в районной поликлинике тоже известно всем. Вот и возникает законный вопрос: нужно ли понимать гуманизацию уголовно-исполнительной системы как необходимость создания условий, которые лучше, чем те, которые доступны многим жителям нашей страны?

И в этом контексте необходимо попытаться осмыслить, что же следует понимать под восстановлением социальной справедливости как цели наказания. Проблема социальной справедливости волновала человечество с древних времен. Все выдающиеся философы прошлого и настоящего в той или иной мере обращаются к проблеме социальной справедливости. Исследований правовых аспектов социальной справедливости значительно меньше, хотя справедливость является одним из важнейших принципов права.

На современном этапе вопросы социальной справедливости приобретают все большую актуальность, даже по инициативе ООН 20.02.2007 г. что получило статус «День социальной справедливости», а также были обозначены основные принципы, относящиеся к гендерному и расовому равенству, доступности труда и образования, равный доступ к ресурсам, а также защита прав человека. В таком понимании социальная справедливость является скорее принципом исполнения наказания, но не его целью. Подтверждением этому служит вывод Н.С. Григорьевой. По итогам ее исследования, «социальная справедливость – это как та лакмусовая полоска бумаги, которая выявляет скрытое и окрашивает события социальной жизни в определенные цвета» [7, с. 112–122]. Подходящий этому исследованию античный афоризм: «Справедливость есть постоянная и неизменная воля каждого воздать по заслугам», как представляется, не соответствует выводу о содержании социальной справедливости, но более подходит к цели наказания.

Право на судебную защиту, безусловно, является важнейшим элементом социальной справедливости, ведь это азбучная истина, что любое право, не обеспеченное механизмом защиты, превращается в фикцию, а принцип равенства перед законом и судом гарантирует доступ к правосудию всем. Мы не должны повторить не просто печальный, а страшный период, когда не было никаких гарантий защиты лицам, которые попадали в «жернова» уголовного преследования. Сегодня раскрыты многие тяжелые страницы истории деятельности наших правоохранительных органов. Подследственные и заключенные были абсолютно бесправны и не только не могли надеяться на судебную защиту от произвола, но даже прокуратура не рассматривала их жалобы. Так, печально известный генеральный прокурор А.Я. Вышинский заверял, что «органы прокуратуры не будут принимать во внимание заявления о побоях и истязаниях» [8, с. 202]. Подобное никогда не должно повториться, как и страшные меры наказания прежних веков.

Кодекс административного судопроизводства РФ (далее – КАС РФ), десятилетие которого отмечается в этом году, прежде всего обеспечивает особые условия рассмотрения дел по различным спорам гражданина с властью и осуществляет судебный контроль за соблюдением основных прав и свобод человека и гражданина. Этот процессуальный кодекс является не только самым «молодым», но и наиболее быстро развивающимся. Глава 22 КАС РФ, предусматривающая оспаривание решений, действий (бездействий) различных органов, организаций и должностных лиц, осуществляющих публичные полномочия, позволяет разрешать множество спорных ситуаций, но законодатель счел необходимым дополнить в 2019 г. эту главу специальной ст. 227.1 «Особенности подачи и рассмотрения требования о присуждении компенсации за нарушение условий содержания под стражей, содержания в исправительных учреждениях» [2]. Принятию данной статьи предшествовало издание постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25.12.2018 г. № 47 «О некоторых вопросах, возникающих у судов при рассмотрении административных дел, связанных с нарушением условий содержания лиц, находящихся в местах принудительного содержания». Соответствующая норма явилась некой новеллой, т. к. по правилам административного судопроизводства может быть возмещен только моральный вред, следовательно, для лиц, находящихся в местах принудительного содержания, установлено особое правило.

Комментируя данную статью, А.В. Чуряев отмечает: «По своей правовой природе компенсация за нарушение условий содержания лиц под стражей, содержание их в исправительных учреждениях является разновидностью компенсации им нравственных и физических страданий вследствие допущенных в отношении них нарушений условий содержания» [10, с. 130]. В определенной степени такую мотивацию можно считать обоснованной, но в таком случае законодатель следовало и назвать это моральным вредом, тогда не оставалось бы сомнений. Гражданский процесс также задействован для защиты прав лиц, находящихся в условиях изоляции, т. к. для возмещения вреда, причиненного здоровью и имуществу, надо обращаться в порядке гражданского судопроизводства, хотя уже без активной роли суда и по общему правилу распределения обязанности доказывания, но, однозначно, право на судебную защиту гарантировано с соблюдением всех процессуальных прав истца. Информатизация судебной системы и уголовно-исправительных учреждений позволяет обеспечивать удаленное участие в процессе. Важным является и право на конфиденциальное общение с адвокатом. Таким образом, в отношении судебной защиты социальная справедливость реализована при отбывании наказания. Возникает только вопрос, считают ли потерпевшие и другие граждане, что это справедливо?

Лица, находящиеся в местах лишения свободы, используют право на судебную защиту в полном объеме, включая обращение в Конституционный Суд РФ. Жалобы в Кассационный Суд РФ об оспаривании тех или иных положений законодательства чаще всего завершаются определением об отказе в принятии к рассмотрению как не относящихся к его компетенции, а обжалованию эти определения не подлежат. В некоторых жалобах оспаривается сразу большинство правил административного судопроизводства. Так, например, В.В. Усманов просил признать неконституционными нормы статей о распределении обязанности по доказыванию, требований к содержанию судебного решения, сроках обращения в суд, нормы о порядке кассационного производства [19]. В жалобе Э.А. Гусейнова поставлена под сомнение конституционность правил об оставлении заявления без движения, о порядке принятия решения, и требовании его законности, включая вопросы, разрешаемые при принятии решения, и его содержание, а также вопросы апелляционного производства [21]. Особо удивляет оспаривание правил ст. 227.1 КАС РФ [18, 20], которая предусматривает возможность не только обжаловать ненадлежащие условия содержания, но и взыскать соответствующую компенсацию, однако заявителей не удовлетворяет необходимость соблюдения определенного порядка обращения в суд. Практика обращения с административными исковыми заявлениями по ст. 227.1 КАС РФ становится все более многочисленной, большинство таких дел проходит все судебные инстанции, вплоть до Верховного Суда РФ, затем на основе его определения процесс начинается заново, так проявляется гуманизм, но вот только не совсем понятно, как при этом восстанавливается социальная справедливость в отношении потерпевших. Практика столь многочисленна, что даже нет смысла приводить конкретные примеры, в обобщенном виде это связано чаще всего с определенными бытовыми неудобствами и недостатками медицинского обслуживания. Более половины таких исковых заявлений удовлетворяются, если не в первой инстанции, то в порядке апелляции. А с учетом того, что для удовлетворения таких требований не является обязательным установление вины, то даже в случаях объективной невозможности выполнить все условия содержания лиц, лишенных свободы, иски удовлетворяются.

Бесспорно, что не должно быть условий содержания, доставляющих физические и нравственные страдания, но должен быть разумный подход. Сколько еще людей на свободе проживает в ветхих и аварийных домах, лишенных элементарных удобств. Тверские «морозовские казармы» по многим показателям отстают от тех условий, которые созданы в исправительных учреждениях, можно сказать, что в них живут люди, которые не лишены свободы, но в тоже время у большинства нет выбора, и семьи поколениями живут в таких условиях.

Напрашивается вновь риторический вопрос: в чем же смысл такой цели наказания, как восстановление социальной справедливости? Да, лишение свободы – это серьезное испытание, но, если условия в исправительных учреждениях нередко лучше, чем у тех, которые потеряли своих близких от рук преступников, можно ли даже такую меру наказания, как пожизненное лишение свободы считать способом восстановления социальной справедливости? Защищать права лиц, лишенных свободы, безусловно нужно, но только именно от заведомых нарушений, а не от каждой бытовой проблемы или того, что медицинская помощь оказана в порядке очереди, а не немедленно. Это все абсолютно не свидетельствует о необходимости ужесточения правил отбывания наказания и, тем более, ограничения права на судебную защиту, но должен быть баланс и более четкое понимание правового содержания социальной справедливости.

Гуманизм как принцип права должен бесспорно обеспечиваться и при реализации уголовной политики, и в деятельности пенитенциарной системы: должны последовательно меняться виды и сроки (размеры) наказания, система уголовно-исполнительных учреждений и условия отбывания наказания. Но в правовом регулировании этих вопросов, как и в судебной практике, необходим взвешенный подход: баланс, а не диссонанс. Статья ставит проблему соотношения целей наказания и пределов судебной защиты прав осужденных, но решение ее требует серьезных исследований и системных решений.

Список литературы

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 31.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
2. Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации от 08.03.2015 г. № 21-ФЗ (ред. от 07.07.2025 г.) // СПС «КонсультантПлюс».
3. «Битцевский маньяк» оспорил отказ в переводе в колонию ближе к Москве [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20250806/koloniya-2033604131.html> (дата обращения: 11.07.2025).
4. Бытко Ю.И. Цели уголовного наказания // Вестник СГЮА. 2018. № 4 (123) [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tseli-ugolovnogo-nakazaniya-1> (дата обращения: 11.07.2025).
5. Встреча с Министром юстиции Константином Чуйченко // Сайт Президента России [Электронный ресурс]. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/67666> (дата обращения: 11.07.2025).
6. Выступление Вячеслава Михайловича Лебедева на пленарном заседании Совета судей РФ 05.12.2023 г. // Судья. 2024. Январь. С. 5-7.
7. Григорьева Н.С. Социальная справедливость: эволюция понятия и практики // Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование. 2008. Выпуск 6. С. 112–122.
8. Звягинцев А. Г. Жизнь и деяния видных российских юристов: Взлеты и падения. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2008. 384 с.

9. Звягинцев А.Г. Роковая Фемида. Трагические судьбы известных российских юристов. М.: Астрель: АСТ, 2010. 480 с.

10. Комментарий к Кодексу административного судопроизводства: в 2 ч. / под общ. ред. Л.В. Тумановой. М.: Проспект, 2025. Ч. 2. 544 с.

11. Лапина К.В. Осуществление родительских прав и исполнение обязанностей лицами, осужденными к лишению свободы: автореф. дис. ... канд. юрид.наук. Краснодар, 2010. 25 с.

12. Осужденный за теракт в «Домодедово» судился с ФСИН за отсутствие солнца [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20250208/solntse-1998107538.html?ysclid=merj2gpkzmz148386702> (дата обращения: 11.07.2025).

13. Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. Основные статистические показатели состояния судимости в России за 2020–2024 годы [Электронный ресурс]. URL: https://view.officeapps.live.com/op/view.aspx?src=https%3A%2F%2Fcdep.ru%2Fuserimages%2Fsbornik_Sudimost_2020-2024.xls&wdOrigin=BROWSELINK (дата обращения: 11.07.2025).

14. Попова А. Брейвик получил максимально возможный срок [Электронный ресурс]. URL: <https://lenta.ru/articles/2012/08/24/friday/> (дата обращения: 11.07.2025).

15. Щербаков А.В. Особенности функционирования отечественной пенитенциарной системы: организационно-правовой аспект // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2024. № 4 (80). С. 109–116.

16. Щетнева В.А. Исполнение наказания в виде лишения свободы в отношении заключенных женщин в США и Великобритании // Пенитенциарная безопасность: национальные традиции и зарубежный опыт: материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием (1–2 июня 2023 г.). Самара: Самарский юридический институт ФСИН России, 2023. 228 с.

17. Постановление Конституционного Суда РФ от 18.03.2014 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом Кетовского районного суда Курганской области» [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160518/ (дата обращения: 11.07.2025).

18. Определение Конституционного Суда РФ от 27.06.2023 г. № 1412-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Буховецкого Евгения Владимировича на нарушение его конституционных прав рядом норм Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

19. Определение Конституционного Суда РФ от 29.09.2022 г. № 2627-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Усманова Вагита Викторовича на нарушение его конституционных прав рядом положений Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и Федерального закона “О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений”, а также Постановлением Правительства Российской Федерации “О минимальных нормах питания и материально-бытового обеспечения осужденных к лишению свободы, а также о нормах питания и материально-бытового обеспечения подозреваемых и обвиняемых в

совершении преступлений, находящихся в следственных изоляторах Федеральной службы исполнения наказаний, в изоляторах временного содержания подозреваемых и обвиняемых органов внутренних дел Российской Федерации и пограничных органов федеральной службы безопасности, лиц, подвергнутых административному аресту, задержанных лиц в территориальных органах Министерства внутренних дел Российской Федерации на мирное время» // СПС «КонсультантПлюс».

20. Определение Конституционного Суда РФ от 28.12.2021 г. № 2923-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Шефера Анатолия Геннадьевича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 227.1 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

21. Определение Конституционного Суда РФ от 28.09.2021 г. № 1702-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гусейнова Эльдара Афрайловича на нарушение его конституционных прав статьями 130, 175-180, 309 и 316 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

22. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации. 2023. № 3 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 15.11.2023 г. [Электронный ресурс]. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_463125/5ca4413a89ba8342999b1d66c8c4f34f93766ca5/ (дата обращения: 11.07.2025).

Об авторах:

ДРОНОВА Юлия Анатольевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 6183-4155, AuthorID: 651111, e-mail: Dronova.YA@tversu.ru

ТУМАНОВА Лидия Владимировна – заслуженный юрист РФ, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры судебной власти и правоохранительной деятельности ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет» (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33), SPIN-код: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Restoration of social justice as the goal of punishment and the right of convicts to judicial protection: balance or dissonance?

Yu.A. Dronova, L.V. Tumanova

Tver State University, Tver

The article is devoted to the issues of correlation between the purposes of punishment and judicial protection of persons in places of deprivation of liberty. Attention is drawn to the dynamics of the purposes of punishment and improvement of legal regulation of issues of judicial protection of persons serving a sentence of imprisonment in terms of the conditions of serving a sentence in correctional institutions. The historical and comparative aspects of

goal-setting and conditions of serving a sentence are briefly characterized. The main problem of the study is related to the need to understand the restoration of social justice as the purpose of punishment. Studies of the criminal-legal nature of social justice are not enough to understand this most important category as the purpose of criminal punishment. The right to judicial protection belongs to everyone and in order to ensure it to persons in places of deprivation of liberty, the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation was supplemented by a special norm that determined the procedure for applying to the court to challenge illegal actions and collect compensation. Numerous practices show that persons serving a sentence, including life imprisonment, constantly find reasons to go to court. A significant portion of such cases go through all judicial instances up to the Supreme Court of the Russian Federation, and often complaints against the norms of the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation are also sent to the Constitutional Court of the Russian Federation. The ability to seek judicial protection is the most important achievement of civilization; a return to the old days is unacceptable, but there must also be reasonable limits that limit the possibility of abuse of the right to judicial protection.

Keywords: *criminal punishment, punishment system, purposes of punishment, restoration of social justice, right to judicial protection, conditions of detention in places of deprivation of liberty, right to compensation, administrative proceedings.*

About authors:

DRONOVA Julia – PhD in Law, associate professor of the department of criminal law and procedure of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova St., 33), SPIN-code: 6183-4155, AuthorID: 651111, e-mail: Dronova.YA@tversu.ru

TUMANOVA Lidia – Honored Lawyer of the Russian Federation, the doctor of the Legal Sciences, Professor, professor of the department of judiciary and Law Enforcement Affairs of the Tver State University (170100, Tver, Zhelyabova st., 33), SPIN-code: 8705-4643, AuthorID: 648735; e-mail: gpipd@tversu.ru

Дронова Ю.А., Туманова Л.В. Восстановление социальной справедливости как цель наказания и право осужденных на судебную защиту: баланс или диссонанс? // Вестник ТвГУ. Серия: Право. 2025. № 3 (83). С. 52–65.

Статья поступила в редакцию 25.08.2025 г.

Подписана в печать 25.09.2025 г.